

## АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РОССИЙСКОМ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В. В. Богуславская, А. Д. Ивушкина

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина*

Поступила в редакцию 9 июля 2018 г.

**Аннотация:** актуальность исследования прецедентных феноменов (ПФ) в целом и прецедентных текстов в частности определяется в первую очередь спецификой самого феномена прецедентности — ярко выраженными национальными особенностями, которые и находят отражение в прецедентных феноменах, существующих в языке того или иного лингвокультурного сообщества. В условиях же глобализации, процессы которой в настоящий момент охватывают все сферы человеческой жизнедеятельности, изучение специфики языка и культуры того или иного народа становится особенно важным. Необходимость изучения ПФ на материале средств массовой информации определяется тем, что прецедентные феномены являются одним из самых популярных средств выразительности в массмедиа. Они широко распространены и используются в СМИ с разными целями. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании русского языка как иностранного.

**Ключевые слова:** прецедентный феномен, прецедентный текст, функции прецедентных феноменов, средства массовой информации, печатная пресса.

**Abstract:** relevance of the study of precedent phenomenons (in particular of precedent texts) depends on the specificity of precedent phenomenons. Precedent phenomenons which exist in the language of cultural community have the pronounced national characteristics, and it becomes very important to study national specificities of the certain languages and cultures in the context of globalization which covers all areas of human activity. The exploration of the precedent texts needs to be based on media coverage because precedent phenomenons are one of the most popular expressive medium of language in mass media. They are widespread and they are used in media for different purposes. The results of the study can be used in the teaching of Russian as a Foreign Language.

**Keywords:** precedent phenomenon, precedent text, functions of precedent phenomenons, mass media, print media.

Впервые понятие прецедентности было использовано известным советским и российским исследователем Ю. Н. Карауловым, который в своей книге «Русский язык и языковая личность», опубликованной в 1987 г., дал определение указанному термину, выделив характерные черты прецедентных текстов. «Назовем прецедентными, — пишет ученый, — тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1, 216]. Таким образом, признаками, определяющими сущность прецедентных текстов, Ю. Н. Караулов называет 1) познавательную и эмоциональную значимость текста; 2) общеизвестность и широкую распространённость текста; 3) воспроизводимость тек-

ста, а значит, и возможность его переосмысления, многократной интерпретации.

Под прецедентным феноменом в статье понимается явление, (1) значимое для члена того или иного лингвокультурного сообщества в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, (2) имеющее сверхличностный характер и (3) многократно воспроизводимое в дискурсе лингвокультурного сообщества.

Ученый Д. Б. Гудков, посвятивший большое количество своих работ исследованию феномена прецедентности, говорит о ПФ как о единицах, формирующих когнитивную базу (КБ) [2, 53—54; 3, 83—84]. Под когнитивной базой здесь подразумевается «определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которой обладают практически все члены того или иного лингвокультурного сообщества» [3, 83]. Когнитивная база формируется некими инвариантами представлений о том или ином значимом в культурном плане феномене (прецедентном феномене). Эти инварианты представлений национально детерминированы и в свернутом,

редуцированном виде являются содержанием прецедентных феноменов.

В традиционной классификации, широко представленной в трудах Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой и др., прецедентные феномены принято разделять на невербальные и вербальные [2, 53—54; 4, 47—50; 5, 82—84].

К первому типу — невербальных ПФ — относят значимые в культурном отношении произведения живописи, скульптуры, архитектуры и т.д. В качестве примера здесь можно упомянуть картину Михаила Врубеля «Демон сидящий», античную статую Венеры Милосской, храм Василия Блаженного и множество других культурно значимых объектов.

Вербальные ПФ в свою очередь делятся на собственно вербальные и вербализуемые (Д. Б. Гудков называет их «поддающиеся вербализации»). К собственно вербальным относят прецедентные имена (ПИ) и прецедентные высказывания (ПВ), к вербализуемым — прецедентные ситуации (ПС) и прецедентные тексты (ПТ) [2, 54—56].

Прецедентный текст — это «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сумма значений компонентов которой не равна смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества <...> обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» [2, 54—55]. К данному типу ПФ относятся произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Бородино»), тексты песен («Подмосковные вечера», «Темная ночь»), рекламы, политические тексты и т.д.

Интересно, что ПТ существует в КБ не в своём первозданном виде, он хранится в виде инварианта восприятия, то есть в форме «минимизированных национально-детерминированных представлений о нём» [4, 8]. Характерно и то, что прецедентный текст редко употребляется в речи полностью, его актуализация (на основе ассоциативных связей) чаще всего происходит при упоминании названия произведения, имени героя (прецедентного имени) или известной цитаты (прецедентного высказывания), от него происходящей. Именно поэтому ПТ рассматривается как вербализуемый феномен: несмотря на то, что сам текст произведения, относящегося к прецедентным, явление вербальное, в КБ и в ИКП он хранится не полностью, не от первой до последней строчки, а как «очень сжатый «образ», максимально «уплотненное» представление об этом тексте (включая сюжет, основные коллизии, персонажей <...> и т.д.)» [6, 172], и в речи коммуникант обращается именно к этому, «свёрнутому» представлению о ПТ, которое впоследствии может быть вербализовано.

Актуализация прецедентных текстов в речи может происходить:

1) при упоминании названия прецедентного текста: *Так школьницей я читала «Войну и мир» — только про любовь, войну пролистывала. Так и живу* (STORY, № 12 (98), с. 24) — Л. Н. Толстой, «Война и мир»;

2) при упоминании имени героя ПТ: *Пылкие юноши тоже второпях ускользали из жизни. Думали, что они Вертер. Надеялись на славу. Рассчитывали, что смерти нет* (STORY, № 12 (98), с. 47) — И. Гёте, «Страдания юного Вертера»;

3) при упоминании имени автора ПТ: *Так именно и происходит — лучше, чем многие, описал этот разрушительный процесс* [прим. — Увядание красоты] *русский писатель Лев Толстой на примере семьи Курагиных* (STORY, № 12 (98), с. 54) — Л. Н. Толстой, «Война и мир»;

4) при употреблении прецедентного высказывания (ПВ) или цитаты, происходящих от этого ПТ: *А на другой день я нахожу в почтовом ящике письмо: «Я к вам пишу, чего же боле...»* (STORY, № 12 (98), с. 24) — А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»;

5) При пересказе ПТ или его ключевого эпизода: *Но они [писатели] говорили с нами уникальным языком о пограничных, а не общепринятых вещах. О пожилой женщине тридцати лет, которая покончила с собой, бросившись под поезд, например* (STORY, № 12 (98), с. 30) — Л. Н. Толстой, «Анна Каренина».

Изучая КБ, ученые говорят о том, что состав прецедентных феноменов с течением времени может меняться [2, 54—55]. В связи с этим выделяют так называемые «классические» ПТ (к которым относятся, например, тексты писателей-классиков) и современные ПТ (к которым причисляют тексты, недавно ставшие прецедентными, порожденные современной культурой).

Основной сферой-источником прецедентных текстов, как показал контент-анализ выявленных единиц в одном номере журнала *STORY* (№ 12 (98), декабрь 2016), является литература (77,03%) (см. таблицу ниже). Сюда относятся художественные произведения как русской литературы (Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, В. С. Высоцкого и т.д.), так и произведения зарубежных классиков (произведения У. Шекспира, И. Гёте, В. Гауфа, Дж. Р. Р. Толкина и т.д.).

Как известно, русская культура долгое время была литературоцентричной, и, несмотря на то, что эпоха литературоцентричности закончилась как для русской культуры, так и для всего мира, исследователи отмечают, что литература всё ещё остаётся «хранителем и ретранслятором культурного кода России» [7, 19]. Таким образом, то, что в медиадискурсе используется значительная часть прецедентных текстов, происходящих из сферы «Литература», кажется закономерным, поскольку именно произведения русских писателей-классиков долгое время служили источником, откуда русский человек черпал знания о том, что хорошо, а что плохо, что прекрасно, а что безобразно.

Кроме того, надо отметить, что журнал STORY, на материале которого была проведена значительная часть исследования, сохраняет в себе черты литературно-художественных изданий [8, 176—181]. Очевидно, что одной из таких черт является ориентация на классическую литературу как на образец для подражания при написании тех или иных журналистских текстов как в стилистическом, так и структурном плане.

Также значимой сферой, откуда происходят ПТ, оказалась религия (10,81%). В частности, часто актуализирующимся текстом в газетно-журнальном дискурсе является Библия, сюжеты из которой являются прецедентными ситуациями (строительство Вавилонской башни, Страшный суд, Исход евреев из Египта и др.), а герои этих сюжетов носят прецедентные имена (Иисус, Моисей, Дева Мария и т.д.). Использование библейских текстов в качестве пре-

цедентных наблюдается во многих культурах Европы и мира, из чего можно сделать вывод о том, что Библия — феномен универсально-прецедентный, который оказал значительное влияние на мировую культуру [9, 5—6]. Таким образом, важной особенностью Библии является её «всеохватность» и универсализм, который позволяет охарактеризовать библейскую прецедентность как кросскультурную универсалию» [9, 11—12].

Количество прецедентных текстов, заимствованных из сферы-источника «Музыка», такое же, как и количество ПТ, происходящих из религиозного дискурса (10,81%). Культурно значимыми здесь оказались тексты песен российских рок-исполнителей (В. Сюткина, группы «Чиж & Со»), советская классика («Широка страна моя родная», песня В. Кикабидзе «Мои года — мое богатство») и т.д.

Таблица 1.

Контент-анализ прецедентных текстов (сферы-источники)

Прецедентные тексты «АиФ», № 12 (1949); STORY », № 12 (48)		
Сфера-источник	Количество	Проценты
Всего	74	100%
Религия/Мифология	8	10,81%
Музыка	8	10,81%
Литература/Фольклор	57	77,03%
Философия	1	1,35%

Прецедентные тексты, использованные в журналистских текстах, выполняют различные функции.

Одной из основных функций ПТ, как можно увидеть на примере медиатекстов журнала STORY, является текстообразующая функция.

Ярким примером реализации текстообразующей функции прецедентного текста может послужить статья Дм. Воденникова о Мэрилин Монро, озаглавленная «Прости меня, моя любовь» (STORY, № 12 (98), с. 46—49), в которой указанную функцию выполняют два прецедентных текста — «Братья Карамазовы» и «Идиот» Ф. М. Достоевского.

В данном материале для актуализации прецедентного текста используются названия произведений («Братья Карамазовы», «Идиот»), большое количество прецедентных имен (Грушенька, Алеша Карамазов, Настасья Филипповна, Рогожин, князь Мышкин и др.), а также пересказ сцен из романов Ф. М. Достоевского. Например, статья начинается с описания одного из эпизодов произведения «Братья Карамазовы»: *Мэрилин Монро очень хотела сыграть Грушеньку из «Братьев Карамазовых». Наверное, ее привлекла сцена, когда Грушенька сидит с чистой барышней, та смотрит на неё влюбленными восторженными глазами, щебечет: «Ах как же я вас люблю, Аграфена Александровна! Каждый бы пальчик вам на ручках поцеловала!» <...> Она [Грушенька]*

*смотрит долго-долго на чистую барышню тёмным, как ноябрьское окошко, взглядом и вдруг добавляет: «Наверное, и я должна поцеловать. В ответ. А я не буду» <...> (STORY, № 12 (98), с. 47).*

Дм. Воденников начинает свою статью с пересказа той сцены из «Братьев Карамазовых», в которой ярко показан характер Грушеньки. Здесь проявляются такие ее черты, как гордость, решительность, своенравие, стремление к независимости. Делая замечание о том, что М. Монро могла заинтересовать именно эта сцена из романа Ф. М. Достоевского, автор статьи тем самым предполагает, что именно эти черты в героине романа привлекали американскую актрису, заставляли её соперничать Грушеньке и понимать ее. Таким образом, Воденников использует здесь эпизод из «Братьев Карамазовых» для характеристики самой Мэрилин, приписывая ей черты героини, придуманной Ф. М. Достоевским.

Основой статьи, написанной Дм. Воденниковым, становится сравнение Мэрилин Монро с женщинами из произведений Ф. М. Достоевского — Грушеньки из «Братьев Карамазовых» и Настасьи Филипповны из «Идиота». Находя общие черты у американской актрисы и героинь русской классической литературы, автор текста создает живой образ М. Монро и выстраивает повествование, ориентируясь на романы Ф. М. Достоевского, выбирая для описания те эпизо-

ды жизни Мэрилин, которые могли бы гармонично вписаться в произведение русского классика.

Так, например, Дм. Воденников описывает отношения между Мэрилин и ее мужем, спортсменом Джо Ди Маджо: *Но Монро как будто искушает судьбу. Выходит выступать перед десятком тысяч солдат в Корее <...> Ты не представляешь, как мне аплодировали, как меня встречали!» — с восторгом рассказывает дуручка Настасья Филипповна своему американскому Рогожину. На что он холодно замечает, позвякивая воображаемыми склянками со ждановской жидкостью: «Почему же, представляю. Я это слышу постоянно». В общем, он её тоже «убил». В символическом смысле, разумеется (STORY, № 12 (98), с. 48).*

Как можно увидеть, автор статьи проводит параллели между семейной жизнью М. Монро и Джо Ди Маджо и отношениями Настасьи Филипповны и Рогожина из романа «Идиот», сближая образы Мэрилин и Настасьи, обнаруживая сходство их характеров. Можно сделать вывод о том, что Воденников стремится сделать американскую актрису ближе и понятнее русскому читателю, сформировать у читателя понимание о ней, как о «своей», заставить сопереживать героине статьи. Текст романа Ф. М. Достоевского выступает здесь в качестве аргумента для убеждения читателя, реализуя также персуазивную функцию.

Ещё одним примером, когда текстообразующая функция выходит на первый план при употреблении в речи ПТ, является текст «Играй, мормон!», написанный Ильей Носыревым (STORY, № 12 (98), с. 78—88). Эта статья посвящена истории мормонского движения — религиозной группы, зародившейся в начале XIX в. и до сих пор распространенной на территории США.

Основной целью, которую, очевидно, ставил перед собой журналист, создавая данную статью, было высмеять религию мормонов, а прецедентным текстом, который автор использует для реализации своей цели, стала Библия, что оправдано тематически. Используя в тексте статьи множество прецедентных выражений и прецедентных имён, происходящих из библейских текстов, упоминая прецедентные ситуации из Священного Писания, автор актуализует в сознании читателя Библию как прецедентный текст, тем самым решая свои идейные и стилистические задачи.

Значительная часть статьи посвящена основоположнику мормонской религии Джозефу Смиту, о деятельности которого журналист пишет: *Перебравшись на новое место в Пенсильванию, Смит стал заводить беседы с соседями о том, что пора бы восстановить Иисусову церковь, лежащую в руинах. Соседи смеялись: кто же нам её восстановит. Я. Отчего же ты? Потому что только у меня есть золотая книга, которую дал ангел. Но показать книгу Смит наотрез отказался: тайна сия велика есть и не надо трогать её вашими нематыми пальцами (STORY, № 12 (98), с. 80).*

Высказывание «Тайна сия велика есть», происходящее из библейского текста (Новый Завет, Послание апостола Павла к Ефесянам, гл. 5, ст. 32), употребляется здесь в ироническом плане и соседствует с упоминанием «немых пальцев», которое отсылает читателя к «низкой» области физиологии. Таким образом, употребление библейской цитаты направлено здесь на формирование мнения о том, что «великая тайна» Джозефа Смита на самом деле великой не является, автор стремится высмеять поведение Смита, подвергая сомнению его авторитет и священность Книги Мормона, о которой идёт речь в данном отрывке.

Увидеть актуализацию ПТ «Библия» можно также на следующих примерах: *Выходила удивительная история: оказывается, Америка издавна была землёй пророков. Сперва Господь велел отправиться сюда на корабле одному из строителей Вавилонской башни, попросившему в порядке исключения сохранить ему родную мову. Что тот и сделал, погрузив на корабль свой род, а также лошадей, верблюдов и слонов (STORY, № 12 (98), с. 80);*

*Нет, говорил Смит, американская цивилизация куда древнее европейской, праведников на нашем континенте было вдвое больше и даже сам Христос, сойдя с креста, не замедлил явиться в Америку — собрал тут другую дюжину апостолов, прочел на бис Нагорную проповедь и обещал явиться в конце времён именно в Штатах. И американцы оказались столь мудры, что не распяли его вторично! (STORY, № 12 (98), с. 80).*

В указанных примерах прецедентный текст актуализируется упоминанием ряда прецедентных ситуаций библейского происхождения: автор пишет о строительстве Вавилонской башни и смешении языков, распятии Иисуса Христа, упоминает 12 апостолов и Нагорную проповедь, в первом примере также возникает ассоциация с ветхозаветным сюжетом о Ноевом ковчеге.

Отсылки к Священному Писанию, прецедентные высказывания, имена и т.д. используются в статье для создания такого стилистического приёма как ирония, а значит, здесь имеет место эстетическая (людическая) функция ПТ. Ирония подчеркивается также использованием разговорной лексики и разговорных синтаксических конструкций («заводить беседы», «пора бы восстановить», «родную мову», «сперва», «дюжину апостолов», «прочёл на бис проповедь» и др.).

Также можно сделать вывод о том, что журналист использует здесь отсылки к Библии как к прецедентному тексту для того, чтобы создать у читателя определённое представление о мормонах и, выражая свое насмешливое отношение к ним, сформировать мнение об их религиозной группе как о секте, которая не имеет ничего общего с настоящей религией, а значит, помимо текстообразующей и эстетической

функций здесь будет выполняться функция смыслообразующая.

Таким образом, библейские прецедентные единицы, употреблённые автором, подчёркивают контраст между христианством и религией мормонов, противопоставляя их как религию истинную и религию неистинную, «ненастоящую», высмеивая образ жизни и мировоззрение мормонов.

Прецедентные тексты (поэтические в частности) часто используются в медиатекстах в качестве рамочного элемента журналистского произведения. В литературоведении под рамой произведения понимается совокупность компонентов произведения, которые «графически отделены от основного текста произведения и чья основная функция — создание у читателя установки на его эстетическое восприятие» [1, 104—103]. К рамочным элементам относят заголовочный комплекс (имя автора, заглавие, подзаголовок, посвящение, эпиграф), авторские примечания, предисловие, послесловие, обозначение места и даты написания, а также деление произведения на части, оглавление [6, 3].

Одной из основных функций, которую выполняют рамочные элементы в художественном произведении, является функция структурообразующая [1, 105]. То же самое можно сказать и о прецедентных текстах, употребляющихся в качестве рамочных компонентов: их использование в материалах газетно-журнального дискурса подчёркивает смысловое и структурное единство журналистских материалов, часто ПТ выступают в качестве средств связи между частями журналистского произведения.

Например, в уже упомянутой статье «Прости меня, моя любовь» (STORY, № 12 (98), с. 46—49), написанной известным поэтом Дм. Воденниковым, в качестве рамочного компонента был использован «Монолог Мерлин Монро» А. А. Вознесенского. Стихотворение разделено на пять частей, каждая из которых выступает связующим элементом одного фрагмента статьи с другим. Дм. Воденников, по сути, использует в своем тексте произведение А. А. Вознесенского для перехода от описания одной ситуации из жизни актрисы к описанию другой ситуации, часто усиливая связь между своим текстом и текстом Вознесенского с помощью лексического повтора:

[Вознесенский]:

(Как страшно вспомнить во «Франс Обзёрвере»  
Свой снимок с мордой самоуверенной  
На обороте у мёртвой Мерлин!)

[Воденников]: Страшно вспоминать — не вспоминай. Но не может <...>

[Вознесенский]:

О, кинозвездное оледененье,  
Нам невозможно уединенье,  
В метро,  
В троллейбусе,  
В магазине,  
«Приветик, вот вы!» — глядят разини.

[Воденников:] Кстати, о разинях. Вторая моя любимая история с Монро как раз о них <...>

Таким образом, произведение поэта-шестьдесятника становится средством связи, «перехода» между отдельными эпизодами жизни американской актрисы, о которых пишет автор. Кроме этого, прецедентный текст выступает здесь в качестве средства диалогизации, связывая не только части отдельного журналистского произведения, но и произведения авторов разных эпох.

Также в структуре журналистского материала прецедентный текст часто используется как послесловие. Например, статья, озаглавленная «27 декабря 1908. Марина Цветаева стрелялась в театре» (STORY, № 12 (98), с. 9), оканчивается стихотворными строками М. И. Цветаевой: «Ты дал мне детство — лучше сказки, так дай мне смерть — в семнадцать лет» («Молитва», 1909). Эта цитата не входит в основной текст журналистского произведения, однако указывает на основную его тему — неудачную попытку самоубийства, совершённую поэтессой.

Так же часто прецедентные тексты реализуют в медиадискурсе персуазивную функцию. Например, в той же статье о мормонах (STORY, № 12 (98), с. 78—88): *Но дурная слава о мормонах шла девятым валом уже за пределы Америки. Артур Конан Дойл в «Этюд в багровых тонах» рассказал, будто в поисках всё новых жен мормоны грабят лагеря иноверцев, убивая мужчин и захватывая женщин, что тайная организация похищает мормонов, выказавших хоть малейшее сомнение в том, чему учит их религия* (STORY, № 12 (98), с. 86);

*Пять лет назад на Бродвее даже поставили сатирический мюзикл «Книга Мормона», в котором отправившийся в Уганду незадачливый миссионер, так и не осиливший священный текст, кормит африканцев историями про магистра Йоду и хоббитов, выдавая их за полные глубокого смысла сочинения Джозефа Смита <...> Нельзя же построить рай на книге* [прим.— Автор статьи имеет в виду Книгу Мормона, священный текст мормонов], *которая читается как продолжение «Властелина колец», написанное студентом-толкиенистом!*

Итак, выявленные прецедентные тексты выполняют в журналистских материалах следующие функции: текстообразующую, эстетическую (людическую), смыслообразующую, структурообразующую, персуазивную и функцию диалогизации.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва, 2010.
2. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация / Д. Б. Гудков. — Москва, 2000.
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. — Вып. 4. — Москва, 1998.

4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. — Москва, 2002.

5. Захаренко И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. — Вып. 1. — Москва, 1997.

6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва, 2003.

7. Клинг О. А. Литература — хранитель и ретранслятор

культурного кода России / О. А. Клинг // Слово.ру: Балтийский акцент, 2012. — С. 19—20.

8. Пономарева Е. В. STORY как феномен «мидл-журнала»: жанрово-стилевые характеристики и коммуникативные стратегии / Е. В. Пономарева // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. — 2003. — № 4 (36). — С. 176—181.

9. Орлова Н. М. Библейский текст как прецедентный феномен: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н. М. Орлова. — Саратов, 2010.

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина*

*Богуславская В. В., доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации*

*E-mail: inbox@pushkin.institute*

*Ивушкина А. Д., магистрант филологического факультета*

*E-mail: inbox@pushkin.institute*

*Pushkin State Russian Language Institute  
Boguslavskaya V. V., Doctor of Philology, Professor of the  
Chair of Russian Philology and Intercultural Communication  
E-mail: inbox@pushkin.institute*

*Ivushkina A. D., Master Candidate of Philology  
E-mail: inbox@pushkin.institute*